

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Национальная безопасность
и военная реформа

Шведская модель общественного
развития

Экологические движения на
Востоке и Западе

Информационная революция:
что она сулит миру

© 1991

А. КОНОПЛЯНИК

Конфликт в Персидском заливе: экономические предпосылки и последствия

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЛИКТА

В июне 1990 г. Ирак перешел от завуалированных угроз к прямым нападениям на Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Кувейт, обвиняя их в подрыве цен на мировом рынке нефти. Справедливости ради следует сказать, что доля истины в этих утверждениях была. В течение ряда лет страны ОПЕК постоянно превышали совместно устанавливаемые ими же пределы добычи — квоты. Последнее время основными нарушителями являлись три страны: ОАЭ (квота на первое полугодие 1990 г. равнялась 1,095 млн. барр. в сутки — МБС; 1 МБС примерно равен 50 млн. т/год), Кувейт (1,5 МБС) и Саудовская Аравия (5,38 МБС). Превышение индивидуальных квот каждой из трех стран составляло соответственно 83%, 27% и 5% в начале I квартала и 92%, 27% и 8% в начале II квартала 1990 г.

Инициатором нарушения дисциплины добычи в ОПЕК были ОАЭ. Отказавшись от квоты, равной кувейтской, ОАЭ сами установили себе лимит в 2 МБС, на уровне которого и вели добычу. Кувейт также претендовал на большую квоту — порядка 12% от уровня добычи ОПЕК против установленной ему в размере 6,8%. В 1989 — начале 1990 г. страна вела добычу на уровне фактического производства нефти ОАЭ, заявляя, что вернется к своей квоте только вместе с последними. При этом в начале 1990 г. Кувейт открыто обосновал свое нарушение квоты необходимостью удержать цены от дальнейшего их повышения, поскольку к этому времени на рынке разовых сделок цена на "эталонную" корзину нефтей ОПЕК превысила установленный Организацией базисный уровень 18 долл./барр. (132 долл./т).

Позиция Кувейта, располагающего крупнейшей среди стран ОПЕК зарубежной сетью собственных нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) и автозаправочных станций, ясна: он был заинтересован в сравнительно низких ценах на сырую нефть, стимулирующих рост спроса и расширение ее продаж. Нара-

КОНОПЛЯНИК Андрей Александрович, кандидат экономических наук, главный специалист Министерства экономики и прогнозирования.

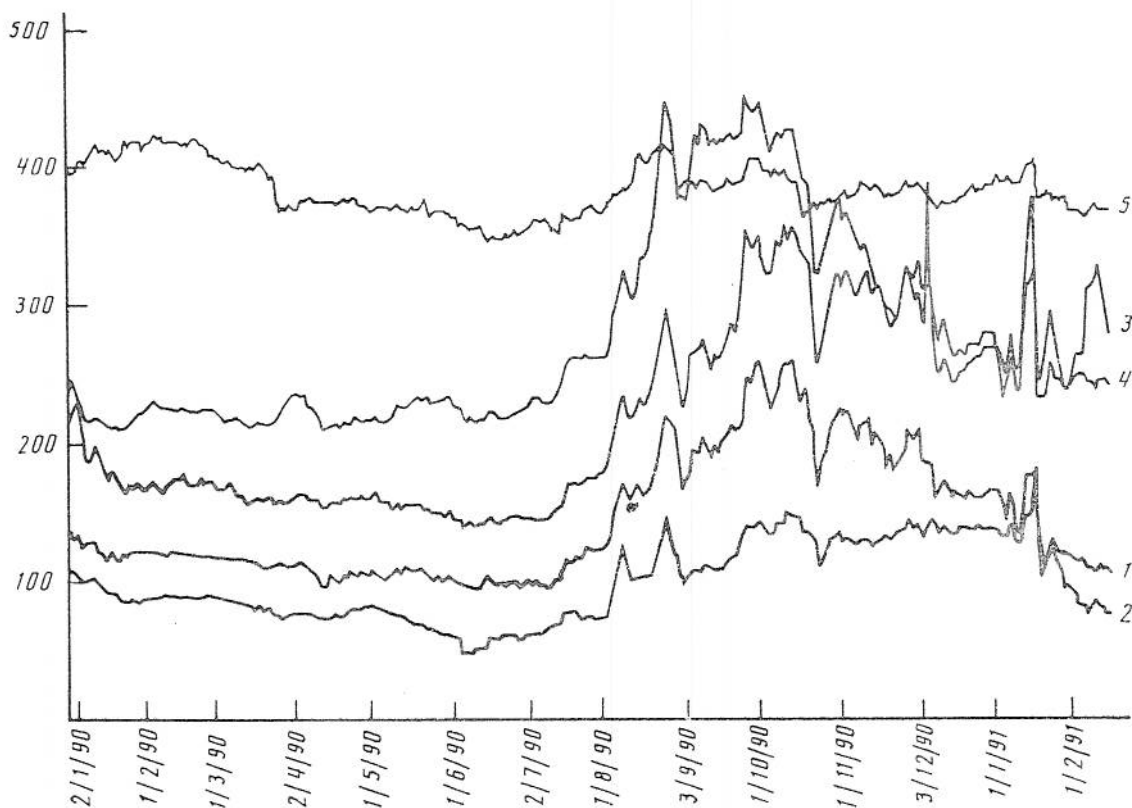

Рис. 1. Динамика мировых цен на рынках основных экспортных товаров СССР

1 — нефть (дубайская, фоб, с поставкой через месяц), долл./т; 2 — мазут (топочный, высокосернистый, сиф порты Северо-Западной Европы — СЗЕ, с немедленной поставкой), долл./т; 3 — газойль (сиф порты СЗЕ, с немедленной поставкой), долл./т; 4 — бензин (высокооктановый, сиф порты СЗЕ, с немедленной поставкой), долл./т; 5 — золото (в слитках, Лондон, конец дня), долл. за тройскую унцию.

щивание добычи Кувейтом не затрагивало интересов таких стран, ратующих за более высокие цены, как Алжир и Ливия, поскольку они добывают легкую, с высоким содержанием бензиновых фракций нефть, котирующуюся на рынке с ценовой "премией" по отношению к более сернистой и тяжелой нефти Кувейта. Зато превышение квот добычи Кувейтом и ОАЭ наносило удар по интересам Ирана и Ирака, экспортировавших аналогичные по качеству тяжелые сорта нефти с высоким содержанием серы, не имеющих резерва нефтедобывающих мощностей, заинтересованных в максимизации текущих экспортных доходов для восстановления разрушенного восьмилетней ирано-иракской войной хозяйства, накопивших большую внешнюю задолженность (у Ирака, например, 80 млрд. долл.) и ограниченных в получении западных кредитов.

Отказавшись "навсегда" от роли регулирующего поставщика в рамках ОПЕК в конце 1987 г., Саудовская Аравия впоследствии проводила политику защиты своей доли на рынке, поддерживая добычу на уровне процентного выражения своей квоты (24,46%) от фактической добычи Организации. Поэтому превышение индивидуальной квоты любым членом ОПЕК автоматически вело к росту добычи Саудовской Аравией.

В результате такой политики основных членов ОПЕК к концу первой декады июня 1990 г., после почти полугодового снижения, цены на рынке разовых сделок достигли низшей точки падения: на близкую советским экспортным смесям ближневосточную нефть "Дубай" цена фоб с поставкой через месяц упала до 13,25 долл./барр. (96,3 долл./т) — см. рис. 1.

Ирак, считавший, что цены на базисную нефть ОПЕК должны быть установлены на уровне 25 долл./барр. (183 долл./т) — такого же мнения придерживался и Иран — утверждал, что ОАЭ и Кувейт стремятся лишить его и Иран доходов, необходимых для восстановления и укрепления их послевоенного статуса региональных держав. Под мощным нажимом Ирака и Саудов-

ской Аравии на встрече пяти государств Персидского залива в Джидде 11 июля Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Катар и ОАЭ договорились придерживаться установленных квот до тех пор, пока базисная цена ОПЕК снова не превысит 18 долл./барр.

На сей раз эта декларация не осталась только на бумаге. Начался подъем цен, державшихся в течение месяца на уровне 100 долл./т ("Дубай"). И именно в этот момент главным объектом нападок со стороны Ирака стал Кувейт. 18 июля в письме, распространенном в Тунисе на заседании Лиги арабских стран, Ирак обвинил Кувейт и ОАЭ в "прямой агрессии", призвал эти страны отменить его военные долги.

Согласно заявлению Ирака, Кувейт в течение десяти лет "заливал" мир дешевой нефтью, часть которой — общей стоимостью 2,4 млрд. долл. за период с 1980 г. — он-де просто украл из иракского месторождения Румейла (только 500 метров разделяют сооружения на иракском месторождении Румейла и на кувейтском Ритга в спорном районе, где до сих пор четко не определена граница между двумя странами).

По словам министра иностранных дел Ирака Т. Азиза, падение цен в период между 1981 и 1990 гг. нанесло ущерб Ираку на сумму 89 млрд. долл. Снижение цен на 1 долл./барр. означает для Ирака потерю 1 млрд. долл./год. Падение цен в первой половине 1990 г. "стоило" Ираку 14 млрд. долл. нефтяных доходов.

Кувейт в ответ обвинил Ирак в том, что тот закладывает свои нефтяные скважины на кувейтской территории, и призвал Лигу арабских стран разрешить давнишнюю проблему демаркации границы между двумя государствами.

На открывшейся 25 июля 1990 г. в Женеве конференции министров нефти ОПЕК министр нефти Кувейта Р.С. аль-Амеери был первым, кто вслух назвал требования Ирака о цене 25 долл./барр. нереалистичными — и это, невзирая на иракские танки, уже сконцентрированные на границе его страны (информация об этом поступила накануне конференции). В то же время кувейтский министр отметил, что его правительство согласится с любым решением конференции ОПЕК — даже о резком повышении цен.

27 июля ОПЕК определила новую квоту добычи Организации (22,491 МБС) за счет повышения квоты ОАЭ до уровня 1,5 МБС и новую базисную цену на эталонную корзину нефтей ОПЕК, равную 21 долл./барр. (154 долл./т). Таким образом, ценовые требования Ирака были частично удовлетворены, хотя это повышение не компенсировало падения реальных цен на нефть: для того чтобы оставаться неизменной в реальном исчислении, согласованная странами ОПЕК в 1986 г. базисная цена 18 долл./барр. должна была бы составлять ко времени конференции 22,70 долл./барр. (166,5 долл./т).

К концу июля "словесная война" на Ближнем Востоке поддерживала цены на уровне, превышающем на 4 долл./барр. уровень середины июня, но торговцы довольно быстро теряли интерес к перепалке между Ираком и Кувейтом. Никто не верил, что дело дойдет до выстрелов. 31 июля обе страны начали чрезвычайные переговоры в Джидде по нефтяным, финансовым и территориальным вопросам. Наблюдатели предполагали, что эти переговоры могут продлиться несколько недель, но были уверены, что компромисс будет достигнут.

РЕАКЦИЯ РЫНКА НА АННЕКСИЮ КУВЕЙТА

Цены подскочили 1 августа — после известий о разрыве переговоров и неподтвержденных слухов, что иракские войска перешли границу Кувейта. В последующие два месяца цены шли вверх почти вертикально и к концу сентября выросли ровно вдвое по сравнению с кануном вторжения. Максимальный уровень цен на нефть сорта "Дубай" был достигнут 28 сентября — 35,5 долл./барр. (258,1 долл./т). Если учесть, что еще 9 июля цена дубайской

нефти равнялась 13,3 долл./барр. (96,7 долл./т) — вторая низшая точка падения, с которой и начался по сути безостановочный ее подъем, — то окажется, что менее чем за три месяца цены выросли в 2,7 раза.

В октябре цены дубайской нефти успели уменьшиться до 31 долл./барр., вырасти до 35, упасть до 23, а затем опять подняться — на сей раз до 31 долл./барр. (соответственно 225, 254, 167 и 225 долл./т). После этого началось их устойчивое снижение (см. рис. 1).

Эскалация вторжения, его событийная канва и военно-политические аспекты, реакция мирового общественного мнения достаточно подробно освещались в советской прессе. Столь же пристальное внимание уделено и второй фазе конфликта — операции многонациональных сил по освобождению Кувейта. Гораздо меньше внимания уделено экономическим последствиям конфликта для мирового сообщества. На некоторых аспектах этих последствий я и сосредоточил свое внимание.

Принятие 6 августа 1990 г. Советом Безопасности ООН резолюции об экономических санкциях по отношению к Ираку означало сокращение предложения нефти на мировой рынок примерно на 4,3 МБС, что было несколько меньше совместной квоты Ирака и Кувейта в рамках ОПЕК (4,64 МБС), составлявшей 1/5 добычи Организации. Но, по оценкам специалистов, введение эмбарго не должно было привести к ухудшению ситуации с поставками нефти на мировой рынок.

Во-первых, считалось, что нефтедобывающие страны располагают достаточными резервными мощностями для компенсации уменьшившегося предложения. Саудовская Аравия могла увеличить производство нефти на 1,5—2,0 МБС, ОАЭ — на 0,5—1,0, Венесуэла — на 0,5, Нигерия — на 0,3 МБС. Ливия — на столько же. Порядка 0,5 МБС могли обеспечить другие нефтедобывающие страны (Мексика, Египет, Норвегия).

Во-вторых, на 1 августа 1990 г. величина накопленных товарных запасов нефти (государственных и частных) в промышленно развитых странах составила 446 млн. т (99 дней потребления или 150 дней импорта, а в Японии, втором крупнейшем после США импортере нефти, на 99% зависящей от внешних поставок, — 142 дня потребления). Даже если утрата экспорта Ирака и Кувейта не была бы вообще никак компенсирована увеличением производства в нефтедобывающих странах, накопленные импортерами товарные запасы должны были достигнуть "критической" отметки — 70 дней потребления — лишь к октябрю 1990 г. Вашингтон был готов пустить в ход свои стратегические запасы нефти (590 млн. барр. или 80 млн. т) — их хватило бы на 80 дней импорта США.

В-третьих, возможности быстрого замещения нефти другими энергоресурсами только в США и Японии оценивались в 0,6 МБС.

Таким образом, считалось, что Запад может достаточно легко компенсировать в краткосрочном плане — до конца года — даже вдвое большее сокращение поставок, чем вызванное введением эмбарго на закупки иракской и кувейтской нефти.

8 августа нефтяное эмбарго вступило в действие. "Физической нехватки пока не наблюдается", — заявил на следующий день председатель Совета управляющих Международного энергетического агентства (МЭА) У. Энгельманн. "То, что мы видим на мировом нефтяном рынке, — типично спекулятивная реакция на политические события в ближневосточном регионе". Аналогичную точку зрения высказал президент ОПЕК, министр нефти Алжира С. Буссена.

В этих условиях требования Саудовской Аравии о созыве чрезвычайной конференции ОПЕК для решения вопроса о размерах компенсационного повышения добычи отдельными странами Организации вызвали поначалу отрицательную реакцию большинства ее членов. Для созыва конференции потре-

бовались неоднократные предупреждения Королевства, что оно будет вынуждено пойти на самостоятельное повышение добычи для прекращения роста цен.

28 августа странами ОПЕК было достигнуто соглашение о немедленном увеличении добычи: Саудовской Аравией — на 2 МБС, Венесуэлой и ОАЭ — на 0,5 МБС каждой, Нигерией — на 0,25 МБС. Тем самым утрата иракского и кувейтского экспорта на 3/4 компенсировалась за счет внутренних резервов ОПЕК.

Решение конференции ОПЕК оказало очень кратковременное понижающее воздействие на цены — уже на следующий день они снова пошли вверх, хотя, как следовало из большинства оценок экспертов, никакого кризиса с предложением на рынке нефти фактически не было.

Очевидно, что "неоправданно" высокий уровень цен на нефть включал значительную "психологическую" составляющую (или "военную премию"), то есть отражал сохраняющуюся высокую вероятность развязывания военных действий в регионе.

По мнению П. Холмса, председателя "Шелл Транспорт энд Трейдинг", равновесная цена на нефть до кризиса — при избытке производственных мощностей порядка 4 МБС — равнялась менее чем 20 долл./барр., а при нулевом их избытке — 25 долл./барр. Все, что сверх этого уровня, и есть та самая "военная премия". В период максимальных цен в сентябре—октябре она достигала 10,5 долл./барр. (почти 80 долл./т) для дубайской нефти, составляя до 30% от уровня цен. И покупатели были готовы платить эту почти на треть завышенную цену, поскольку опасались, что в скором времени перерывы в поставках могут заставить их платить еще более высокую цену.

В этих условиях нефтяные компании также предпочитали хранить, а не срабатывать накопленные запасы. Логика такого их поведения ясна. Ведь если цены растут, когда запасы велики, то куда будет направлен вектор цен при уменьшении величины запасов в условиях сезонного роста спроса? Вряд ли в сторону снижения.

Поэтому, в отличие от двух предыдущих нефтяных кризисов, в ситуации, сложившейся на рынке нефти после вторжения Ирака в Кувейт, основные производители нефти в лице ОПЕК показали себя даже более заинтересованными в сохранении стабильности мировой системы нефтеснабжения, чем импортеры. Так, добыча нефти в Саудовской Аравии достигла наивысших за 10 лет показателей: в декабре страна вышла на уровень 8,5 МБС, что превышает предыдущие официальные оценки добывающих возможностей страны. В течение ближайших трех лет Саудовская Аравия планирует довести мощности по добыче до 10 МБС.

Первый шаг среди государств-импортеров по стабилизации рынка сделали США, приняв 25 сентября решение о продаже 5 млн. барр. нефти из стратегических запасов страны. Сам Вашингтон расценил это скорее как символический жест, поскольку поданное на рынок количество нефти составило менее 1% стратегических запасов и было эквивалентно объему импорта страны в течение всего 18 часов. Реальной целью такого акта была проверка механизма использования стратегических запасов в кризисной ситуации.

Многочисленные эксперты считали, что не позднее середины ноября МЭА вынуждено будет предпринять определенные практические шаги по стабилизации рынка. Мировая нефтедобывающая и перерабатывающая промышленность вышли на режим работы почти без резерва мощностей, и ожидалось, что напряженность рынка в последующие месяцы усилится. Основным источником напряженности, как предполагалось, могла оказаться нефтепереработка.

УЗКОЕ МЕСТО — НЕФТЕПЕРЕРАБОТКА?

К началу 90-х годов мировая нефтеперерабатывающая промышленность стала менее эластична к внешним возмущениям, чем 10 лет назад — ее мощности за 1979—1989 гг. сократились на 7%, в то время как потребление нефти в 1989 г. почти вернулось к уровню 1979 г. При этом существенно изменилась структура спроса на нефтепродукты: абсолютные масштабы потребления бензина в промышленно развитых странах выросли за 1979—1989 гг. почти на $\frac{1}{10}$, средних дистиллятов — на $\frac{1}{8}$, а мазута — сократились в 1,6 раза. Поэтому ожидалось, что в связи с ирако-кувейтским конфликтом проблемы могут скорее возникнуть не на рынке нефти, а на рынке нефтепродуктов.

Во-первых, нефть, поставляемая на рынок взамен иракской и кувейтской, является более тяжелой по физико-химическому составу (замещающая нефть имеет среднюю плотность 0,8762 т/куб. м против 0,8628 т/куб. м у замещаемой), следовательно, сама по себе содержит меньшее количество пользующихся большим спросом легких фракций. Основным продуктом ее переработки является мазут, расширенное производство которого могло не найти своего потребителя и было невыгодно владельцам НПЗ и по ценовым соображениям.

Во-вторых, из района Персидского залива уменьшились поставки нефтепродуктов, в основном легких моторных топлив. Был утрачен экспорт нефтепродуктов из Кувейта (0,75 МБС), уменьшился их экспорт из других стран, частично переориентированный на снабжение жидким топливом вооруженных сил, сконцентрированных в районе конфликта. Общее уменьшение экспорта нефтепродуктов из Персидского залива оценивалось примерно в 1 МБС и продолжало расти с ростом военного присутствия в регионе.

В-третьих, существующие в мире резервные мощности переработки (например, в Японии и Южной Европе) гораздо менее современные, а значит обеспечивают при прочих равных условиях менее глубокую переработку нефти, чем выведенные из хозяйственного оборота мощности в районе Персидского залива.

Таким образом, в результате ирако-кувейтского кризиса спрос на легкие нефтепродукты расширился, а возможности его удовлетворения сузились.

В конце сентября (в период максимальных цен) цены на бензин на западноевропейском рынке находились на уровне 450 долл./т, на нефть (сырье для химической промышленности) — 400, газойль — 350 и на мазут — 145 долл./т. Выше всех в связи с резким ростом спроса взлетели цены на реактивное топливо — до 500 долл./т. Таким образом, за два месяца с момента вторжения Ирака в Кувейт на 130 долл./т выросли цены на нефть, на 180 — на бензин, на 165 — на газойль, на 230 — на нефть, на 300 — на реактивное топливо, но всего на 65 долл./т — на мазут. Но впоследствии и динамика цен изменилась, и ценовые соотношения нарушились (см. рис. 1).

Из-за непропорционального изменения цен на сырье и на отдельные виды готовой продукции нефтеперерабатывающие компании стали нести убытки¹. Об этом свидетельствуют данные финансовых отчетов за III квартал 1990 г., опубликованных рядом крупнейших нефтяных корпораций.

У таких компаний, как Мобил, Шеврон, Шелл произошло снижение доходов по итогам III квартала, так как им не удалось полностью переложить повышение нефтяных цен на потребителей нефтепродуктов. Например, роз-

¹ "Маржа" владельцев НПЗ равняется разнице между суммой цен нефтепродуктов, полученных из единицы перерабатываемой нефти, и ценой этой, поставленной на НПЗ, нефти (минус, естественно, издержки переработки). Увеличение в структуре переработки доли мазута при прочих равных условиях уменьшает стоимость единицы переработанных нефтепродуктов, поскольку реализация мазута происходит, как правило, по "бросовым" ценам — более низким, чем цена на нефть. Так, в августе — октябре 1990 г. на западноевропейском рынке цена мазута составляла всего 55—60% от цены дубайской нефти (см. рис. 1). Поэтому увеличение доли мазута в структуре переработки наряду с меньшим, чем на нефть и остальные нефтепродукты, ростом его цен привело к смене знака "маржи" нефтепереработчиков на отрицательный.

ничные цены на отопительные нефтепродукты на американском рынке выросли на 90% от величины повышения цены на нефть, на бензин — на 60% от этой величины, а на бензоколонках фирмы Тексако — менее чем на половину роста цены на нефть.

Прогнозировалось, что убытки нефтеперерабатывающих компаний могут еще больше возрасти, когда на переработку начнет поступать нефть, компенсирующая иракскую и кувейтскую. Эта замещающая нефть не настолько дешевле, насколько хуже ее качество. К тому же этой нефти для получения необходимого потребителям количества легких фракций потребуется больше, чем замещаемой ею иракской или кувейтской.

По некоторым оценкам, для получения одного и того же количества легких и средних фракций (реактивное топливо, нефть, бензин) типичный японский НПЗ, например, должен переработать на 50% больше нефти, чем НПЗ, расположенный в районе Персидского залива. Для японских НПЗ это порождает ряд проблем, связанных с хранением высокосернистого мазута. Его сжигание на территории страны ограничено экологическими стандартами, а на экспорт требуется правительственная лицензия. Решение этого круга проблем предполагает дополнительные затраты времени и инвестиций.

Таким образом, в основе сохранения высокого уровня нефтяных цен в сентябре—октябре 1990 г., наряду с "военной премией", лежали и структурные диспропорции на рынке нефтепродуктов. Прогнозировалось, что остановка части мощностей НПЗ для их перепрофилирования может временно усугубить дестабилизационные тенденции на нефтяном рынке и привести к очередному взлету цен. Однако этого не произошло.

ПОВЕДЕНИЕ РЫНКА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КУВЕЙТА

Более чем 2,5-кратное повышение мировых цен на нефть в июле — сентябре 1990 г. к концу года сменилось их понижением. Этому способствовали следующие факторы.

1. Существенно увеличилась добыча нефти в странах ОПЕК (с 19,57 МБС в августе до 23,8 МБС в декабре), что практически полностью компенсировало уменьшение предложения в результате прекращения поставок иракской и кувейтской нефти. Добыча нефти странами ОПЕК в 1990 г. достигла 23,15 МБС или наивысшего за предыдущие 10 лет уровня.
2. Увеличилось предложение нефти добывающими странами, не входящими в ОПЕК (кроме США и СССР).
3. Уменьшилось потребление жидкого топлива промышленно развитыми странами как в результате более высоких цен, так и вследствие замедления экономической активности (в IV квартале 1990 г. потребление было на 2% ниже, чем за тот же период предыдущего года).
4. Накопленные товарные запасы нефти в странах-импортерах сохранились на наивысшем за предыдущие 9 лет уровне (на 1 января 1991 г. они достигли 469 млн. т).
5. Товарные запасы в нефтедобывающих странах увеличились до 15 млн. т нереализованной нефти, что превышает обычный их уровень на 50%.
6. Было принято решение МЭА о механизме использования государственных запасов жидкого топлива и о мерах по сокращению спроса на нефть. При появлении недостатка предложения страны МЭА должны были начать ежедневно поставлять на рынок 2,0 МБС из своих государственных запасов. На 0,4 МБС предусматривалось сокращение спроса на нефть в странах МЭА за счет уменьшения ее потребления и еще на 0,1 МБС — за счет ее замещения, в том числе путем увеличения выработки электроэнергии. Таким образом, общее сокращение импортного спроса на нефть странами МЭА должно было в соответствии с планом составить 2,5 МБС.
7. На декабрьской (1990 г.) конференции ОПЕК

было принято решение возобновить регулирование добычи нефти сразу же после ликвидации кризиса в районе Персидского залива.

В этих условиях даже риск угрозы начала военных действий не мог удержать цены на высоком уровне, и за октябрь—декабрь 1990 г. они сократились более чем на 1/3. Лишь в самый канун истечения срока предъявленного Ираку ультиматума возникший биржевой ажиотаж подбросил цены на 3—5 долл./барр. Многие эксперты полагали, что, если после начала военных действий Ираку удастся нанести удар по нефтяным промыслам Саудовской Аравии (в декабре 1990 г. Королевство обеспечивало 36% от общей добычи ОПЕК), это может привести к росту цен выше уровня 50, а по некоторым прогнозам, — и до 80 долл./барр., хотя, как считали другие, даже в этой ситуации накопленных запасов нефти в мире при сложившемся балансе спроса и предложения будет достаточно, чтобы удержать цены от резкого подъема. Эксперты полагали, что в случае войны, даже прекратив добычу в пограничной с Кувейтом Нейтральной зоне, Королевство сможет добывать порядка 8,3 МБС при сохранении межнациональными силами превосходства в воздухе.

Известие о начале военных действий по освобождению Кувейта немедленно подняло биржевые котировки нефти примерно на 5 долл./барр. Но поступившие вскоре первые сообщения о результатах массированных бомбардировок стратегических объектов Ирака, и в частности об уничтожении "почти всех" его военно-воздушных и ракетных сил, столь же быстро опрокинули цены, и они упали на 8—10 и более долл./барр., поскольку стало очевидно, что нефтепромыслы Саудовской Аравии, находящийся в районе Персидского залива танкерный флот и всю остальную нефтеэкспортную инфраструктуру удастся сохранить практически в неприкосновенности.

3 марта война за освобождение Кувейта завершилась победой межнациональных сил. В этой связи ожидать какого-либо взлета цен на мировом рынке нефти не приходится. Поскольку прогнозируется дальнейшее сокращение спроса на нефть (на 5% во II квартале 1991 г.), можно ожидать избытка ее предложения, несмотря на заявление ОПЕК о возврате после завершения военных действий к системе ограничений добычи в ее рамках. При таком развитии событий цены дубайской нефти могут упасть до 8—12 долл./барр. (60—90 долл./т) и лишь спустя какое-то время вернуться к уровню 16—20 долл./барр. (115—145 долл./т).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА ДЛЯ СССР

Последовавший за вторжением Ирака в Кувейт резкий рост цен на мировом нефтяном рынке послужил основой для многочисленных утверждений, что в результате конфликта в Персидском заливе Советский Союз получит ощутимый экономический выигрыш, поскольку основу его экспорта составляют нефть, нефтепродукты и ряд других товаров, чутко реагирующих на поведение цен на нефть (газ, золото и др.).

Так, профессор М. Голдман из Центра русских исследований при Гарвардском университете и газета "Бостон Глоб" считали, что повышение мировых цен на нефть на 20% может увеличить поступления Советского Союза в твердой валюте на 5—6 млрд. долл. в год (замечу, что в период максимальных цен их величина ровно вдвое превышала уровень кануна вторжения, — следуя этой логике, можно было бы ожидать, при сокращении достигнутого уровня цен, роста твердодолларных поступлений СССР из расчета 25—30 млрд. долл./год). "Уолл-стрит Джорнэл" полагал, что лишь за счет ценового фактора приток иностранной валюты в советскую казну увеличится на 7,5—10 млрд. долл. в год. По мнению директора консультационной фирмы "ПланЭкон". Я. Вануша, приведенному в советской прессе, с каждым повышением цены на нефть на 1 долл. СССР будет получать дополнительно 1 млрд. (замечу, что лишь за август—сентябрь 1990 г. цены выросли на

18 долл., то есть можно было бы ожидать дополнительных поступлений в размере 18 млрд. долл.) и т.д.

Немногочисленные советские авторы, пишущие на тему ирако-кувейтского кризиса, приводя эти данные в своих публикациях, как правило, не подвергают их критическому осмыслению. Поскольку официальные данные об экономических последствиях кризиса для СССР не публиковались, то у читателя постепенно возникала уверенность в действительно значительном выигрыше СССР в результате кризисной ситуации в Персидском заливе. Попробую развеять эти иллюзии.

Эта задача представляется тем более актуальной, что на таком неверно или односторонне скалькулированном экономическом фундаменте базируются порой серьезные политические выводы, имеющие долгосрочные последствия как для нашей страны, так и для более широкого международного сообщества. Например, вывод специальной экспертной группы ЕС для внеочередного совещания глав государств и правительств стран Сообщества (Рим, 27—28 октября 1990 г.) о том, что дополнительные экспортные поступления СССР вследствие резкого роста цен на нефть снижают моральную ответственность мирового сообщества перед испытывающим экономические трудности Советским Союзом.

Давайте попробуем разобраться. В предшествовавшем кризису в Персидском заливе 1989 г. экспорт нефти составил 127,3 млн. т на сумму 13,1 млрд. руб., нефтепродуктов — 57,4 млн. т на сумму 5,6 млрд. руб. (соответственно 19,1% и 8,2% совокупного экспорта страны). От продажи нефти и нефтепродуктов СССР получает половину всей свободно конвертируемой валюты (СКВ), а 4/5 твердвалютных поступлений страны приходится, по американским данным, на экспорт всего четырех товаров: жидкого топлива, природного газа, золота и оружия. Дополнительную — в результате конфликта — экспортную выручку Советский Союз мог получить, видимо, на рынках только первых трех товаров.

До конца 1990 г. повышение цен на мировом нефтяном рынке повлияло на изменение экспортных поступлений СССР только через торговлю с капиталистическими и развивающимися государствами. На торговлю со странами СЭВ этот рост цен влияния не оказал: во внешнеторговых расчетах между социалистическими странами продолжала действовать так называемая "Московская (в ряде источников — Бухарестская) формула", по которой ежегодный уровень экспортных цен на советские энергоресурсы определялся как средняя за предыдущие 5 лет от среднегодовых цен мирового рынка. В соответствии с этой формулой, скачок нефтяных цен в 1990 г., вызванный ирако-кувейтским кризисом, был бы учтен (и то лишь частично — примерно на 1/10 его величины) только при определении уровня цен следующего, то есть 1991 г. Таким образом, на 65% советского экспорта нефти (82,6 млн. т в 1989 г.) и на 22% — нефтепродуктов (12,6 млн. т в 1989 г.) указанное повышение цен в 1990 г. не распространялось. Зато уже не частично, а в полной мере оно было бы учтено в экспортной цене советского жидкого топлива начиная с 1 января 1991 г., поскольку с этого момента действие "Московской формулы" прекращается в связи с переводом внешнеторговых расчетов со странами СЭВ на мировые цены и СКВ.

Возьмем за базу отсчета средние за период январь—июль 1990 г. цены на рынках указанных экспортных товаров и посмотрим, какие дополнительные доходы могла бы получить страна за счет изменения ценовой конъюнктуры в августе—декабре и при сохранении объема соответствующих экспортных поставок на уровне предыдущего года.

Средняя за январь—июль цена дубайской нефти составила 15,39 долл./барр. (111,9 долл./т) и 26,99 долл./барр. (196,2 долл./т) — за август—декабрь. Это означает, что при сохранении советского экспорта нефти в капиталисти-

ческие страны на уровне предыдущего года (44,6 млн. т) СССР мог бы получить за указанные 5 месяцев дополнительную выручку порядка 1,5 млрд. долл.

Четыре пятых советского экспорта нефтепродуктов составляют топочный мазут и дизельное топливо (23,2 и 22,3 млн. т в 1989 г. соответственно). Чуть больше 1/10 — бензин (6,7 млн. т). Половину оставшегося — керосин и реактивное топливо (2,1 млн. т) и флотский мазут (1,6 млн. т). Средние за август—декабрь 1990 г. цены на основные экспортные нефтепродукты СССР (мазут, дизтопливо, бензин) составили 127,9; 288,1 и 349,7 долл./т против, соответственно, 79,0; 163,6 и 225,1 в январе—июле. Приняв в отношении экспорта нефтепродуктов те же допущения, что и для сырой нефти, получим, что за август—декабрь 1990 г. СССР мог бы иметь на рынке нефтепродуктов дополнительную выручку также порядка 1,5 млрд. долл.

Таким образом, за счет роста цен на нефть и нефтепродукты Советский Союз мог бы получить в 1990 г. дополнительную экспортную выручку в пределах 3 млрд. долл. Но получил ли он ее?

Увы, нет. И дело даже не в том, что только часть нефти, продаваемой в капиталистические страны, реализуется собственно за СКВ (65% — в 1989 г., 74% — в 1990 г.), а остальное приходится на различные формы валютного клиринга.

Основная причина — сокращение экспортных поставок нефти и нефтепродуктов в силу тяжелой ситуации, сложившейся в нефтедобыче страны. По данным Госкомстата, добыча нефти с конденсатом составила в 1990 г. 570 млн. т, то есть сократилась по сравнению с 1989 г. на 37 млн. т или на 6%; экспорт нефти составил 108 млн. т, то есть уменьшился на 19 млн. т или на 15%; бензина — на 3,0 млн. т или на 45%; дизельного топлива — на 3,0 млн. т или на 13%; топочного мазута — на 4,6 млн. т или на 20%. В итоге экспорт нефти и нефтепродуктов в 1990 г. (152 млн. т) оказался на 18% ниже уровня предыдущего года. При этом 90% сокращения экспорта нефти и 40% уменьшения экспорта нефтепродуктов пришлось на вторую половину 1990 г.

Общая фактическая величина дополнительных экспортных поступлений страны в 1990 г. складывается под воздействием двух факторов: ценового и объемного. Принимая во внимание, что в капиталистические страны в 1990 г. вывозилось лишь 44% экспортной нефти, 68% — бензина, 75% — дизтоплива, 78% — мазута, получим следующие значения указанных факторов (млн. долл.):

Факторы	Экспортные товары				
	нефть	бензин	дизтопливо	мазут	всего
Ценовой	+1423	+49	+724	+308	+2504
Объемный	-1223	-297	+234	-191	-1477
Итого	+200	-248	+958	+117	+1027

Таким образом, общая фактическая величина дополнительных экспортных поступлений СССР за счет нефти и нефтепродуктов в 1990 г. составила чуть более 1 млрд. долл. или менее 1/3 от рассчитанной выше потенциальной их величины.

Более того, впервые за послевоенное время Советский Союз вышел на мировой нефтяной рынок в качестве покупателя. По неофициальным данным, в III квартале 1990 г. было закуплено 400—500 тыс. т бензина, цены на который в начале октября (450 долл./т) в 1,8 раза превышали уровень начала августа. Указанная сделка обошлась стране примерно в 150—200 млн. долл. Таким образом, до 1/5 фактических дополнительных экспортных доходов

страны, вызванных ростом цен на нефть, пошло на финансирование импорта нефтепродуктов. Воистину парадоксы, достойные "экономики кривых зеркал"...

Дополнительные поступления могла бы принести Советскому Союзу продажа природного газа, поскольку цена последнего привязана, среди прочего, и к корзине цен на нефть и нефтепродукты. Но формула привязки работает с лагом запаздывания в 3—6 месяцев, к тому же изменение цен на нефть переносится на цену газа лишь частично. Поэтому в 1990 г. дополнительная экспортная выручка по газу, вызванная изменением "нефтяной" конъюнктуры, была (если была вообще) весьма незначительной.

Биржевая паника, вызванная вторжением Ирака в Кувейт, привела к росту цен на золото примерно на 30 долл. за тройскую унцию (см. рис. 1). Однако средняя цена золота в августе — декабре всего на 2,8 долл./тр. унцию или менее чем на 1% превышала средний уровень января — июля. Таким образом, при сохранении объема продаж золота (по западным оценкам, 296 т в 1989 г.) речь могла бы идти всего примерно о 10 млн. долл. дополнительных доходов. На самом деле величина дополнительных экспортных поступлений страны от продажи золота была, видимо, заметно выше, но не в связи с конъюнктурообразующей ролью кризиса в Персидском заливе, а в связи с резким, по сообщениям информационных агентств, ростом продаж советского золота в 1990 г.

Таким образом, дополнительные "экономические дивиденды" СССР за счет роста цен на рынках основных экспортных товаров страны в 1990 г. составили немногим более 1 млрд. долл., а вовсе не измеряются несколькими, а тем более десятками миллиардов.

А каковы потери страны, вызванные ирако-кувейтским кризисом?

На этот счет нет единого мнения. Различные советские специалисты приводят несовпадающие (до семикратного разрыва) оценки экономических последствий прекращения, в соответствии с решением ООН, торгово-экономических отношений с обоими государствами (млрд. долл.):

Источник	в расчете на год	в расчете на август—декабрь 1990 г.
К. Катушев (пересчет автора)	1,9—2,1	0,8—0,9
А. Белоногов	—	0,915
А. Кондаков	—	около 1,0
Ю. Савинов и А. Прохоренко	—	1,3
Оценка автора	—	1,7—1,8
И. Мордвинов	6—7(?)	2,5—2,9(?)
В. Исаев (пересчет автора)	12—17	5—7

Составлено по: "Советская Россия", 26.VIII.1990, стр. 5; "Известия", 31.VIII.1990, стр. 1; "Новое время", N 42, 12.X.1990, стр. 30—31; "Экономика и жизнь", N 38, сентябрь 1990, стр. 21; "НТР: трибуна", N 15—16, 1990, стр. 12—13; "Коммерсантъ", 3.IX.1990, стр. 23; "Труд", 23.X.1990, стр. 3; "Деловой мир", 19.I.1991, стр. 2.

Попытаемся выйти на более или менее однозначную оценку прямого ущерба, проведя постатейную его калькуляцию.

По данным СИПРИ, за 1980—1989 гг. СССР поставил оружия Багдаду на 13,25 млрд. долл. С учетом того, что в 1980—1982 гг., когда Ирак напал на Иран и вел войну на его территории, поставки прерывались, среднегодовой объем продажи советского оружия Багдаду в этот период можно оценить величиной 1,7—1,9 млрд. долл. при очень большом разбросе существующих

оценок (М. Goldman оценивает продажи 1989 г. на уровне 1,5 млрд. долл., а Ю. Савинов и А. Прохоренко пишут о величине 3,0 млрд. долл.). Таким образом, прекратив с августа поставки оружия Багдаду, СССР недополучил до конца 1990 г. 0,7—0,8 млрд. долл. (0,6 — по Goldman; 1,25 — по Савинову и Прохоренко).

Различные официальные издания Госкомстата оценивают объем советского "гражданского" экспорта в Ирак в 1989 г. от 107,9 до 255,4 млн. руб. Таким образом, по этой статье прямой ущерб СССР до конца 1990 г. может быть оценен в пределах от 45 до 105 млн. руб. При пересчете по официальному курсу (1 долл. = 0,6 руб.) эта сумма составит 75—175 млн. долл., а с учетом трехкратной девальвации рубля и введением его коммерческого курса с 1 ноября (1 долл. = 1,8 руб.) — 55—130 млн. долл.

Советский импорт из Ирака в 1989 г. Госкомстат оценил в 975,9 млн. руб., 99,6% которого составили поставки нефти в качестве оплаты услуг по спецсотрудничеству (11,9 млн. т по цене 81,5 руб./т). Вся импортируемая из Ирака нефть полностью реэкспортировалась в Индию, Болгарию, Румынию и Югославию.

Учитывая проблемы отечественной нефтедобычи, "Союзнефтеэкспорт" оказался не в состоянии выполнить договорные обязательства по поставкам в восточноевропейские страны. Но это сокращение, по-видимому, не распространилось на Индию. (По итогам 1990 г. экспорт нефти в страны СЭВ уменьшился на 24 млн. т или на 30% по сравнению с 1989 г. при росте ее вывоза в капитальные страны почти на 6 млн. т или на 13%). В соответствии с советско-индийским торговым соглашением, СССР должен был поставить в период с апреля 1990 г. по март 1991 г. 4,5 млн. т нефти с иракского месторождения Басра. Официальный представитель советского посольства в Нью-Дели еще в августе заявил, что СССР поставит эти количества в Индию вне зависимости от развития событий на Ближнем Востоке. "Где мы возьмем ее — это наше дело. Но Индия получит эту нефть, так же как и 2,8 млн. т нефтепродуктов", — заявил, что сообщению агентства "Рейтер", экономический советник посольства А. Грановский. "Взять" ее можно было либо с внутреннего рынка, либо еще больше сократив поставки в страны СЭВ (тогда еще за переводные рубли) или в западные страны (но уже преимущественно за СКВ), либо закупив эти количества на мировом рынке. В любом случае, на мой взгляд, ущерб от недопоставок иракской нефти следует считать по замыкающему варианту, то есть по ценам мирового рынка. С учетом тех же допущений, что были сделаны в отношении экспорта советской нефти, компенсация реэкспорта иракской нефти могла обойтись нашей стране до конца 1990 г. в 975 млн. долл.

Советский экспорт в Кувейт в 1989 г. составил 117,4 млн. руб. при почти нулевом импорте. Утрата этого рынка сбыта эквивалентна ущербу СССР за август—декабрь 1990 г. в размере порядка 80 млн. долл. при пересчете по официальному курсу и 60 млн. долл. с учетом введения с 1 ноября коммерческого курса рубля.

Однако не меньший, если не больший ущерб для СССР мог произойти от прекращения финансово-экономического сотрудничества с Кувейтом, начало которому было положено в 1987 г., когда кувейтские банки участвовали в предоставлении Советскому Союзу займа в размере 150 млн. долл. В мае 1990 г. было подписано соглашение, по которому Кувейтская внешнеторговая, строительная и инвестиционная компания (КВСИК) предоставила Внешэкономбанку кредит в 300 млн. долл. на 7 лет. К моменту вторжения Ирака в Кувейт 115 млн. долл. было недополучено, что вызывало сомнения в их дальнейшей судьбе. Однако захваченное правительство Кувейта в изгнании, сохранив контроль над национальными финансовыми ресурсами (авуары Кувейта в иностранных банках насчитывают более 100 млрд. долл.), заявило, что банковская система страны после налаживания ее работы в новых условиях будет

БАЛАНС ПРЯМЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПОТЕРЬ И ПРИОБРЕТЕНИЙ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ СССР В 1990 г. В РЕЗУЛЬТАТЕ ИРАКО-КУВЕЙТСКОГО КОНФЛИКТА

Статья потерь и приобретений	Примерная расчетная величина, млрд. долл.	
	приобретений	потерь*
Увеличение цен на рынках советских экспортных товаров:		
нефти	0,20	
нефтепродуктов	0,83	
газа	незначит.	
золота	0,01	
Итого приобретений:	1,04	
Утрата советских экспортных рынков в результате экономических санкций ООН:		
продажа оружия Ираку		0,75 (от 0,6 до 1,25)**
гражданский экспорт в Ирак		0,09—0,13
реэкспорт иракской нефти		0,98
торговля с Кувейтом		0,06—0,08
Итого потери:		1,88—1,94 (от 1,79 до 2,38)**
Сальдо		0,84—0,90

*первая цифра — при пересчете рублей в доллары по коммерческому курсу, вторая — по официальному курсу;

**с учетом альтернативных оценок продажи оружия Ираку.

выполнять все заграничные обязательства, в том числе по межбанковским сделкам.

В конце ноября 1990 г. СССР получил предложение Совета Сотрудничества шести государств Персидского залива о предоставлении нашей стране кредитов и экономической помощи на сумму до 4 млрд. долл., возможный вклад в которую тогдашнего правительства Кувейта в изгнании оценивался в 550 млн. долл.

Более того, Кувейт предоставил еще один кредит Советскому Союзу. 22 января 1991 г. Внешэкономбанк и КВСИК подписали соглашение, на сей раз на 1 млрд. долл. сроком на 7 лет "на очень выгодных для СССР условиях".

Таким образом, общая сумма недополученных СССР средств в результате ирако-кувейтского конфликта составила в 1990 г. порядка 1,9 млрд. долл. (от 1,8 до 2,4 млрд. долл. — если взять за основу альтернативные данные о военных поставках СССР Ираку). В действительности эта сумма окажется выше, если добавить сюда расходы* по эвакуации советских граждан из обеих стран, утрату принадлежащего нашей стране имущества и другие неучтенные расходы.

Следовательно, СССР понес прямые экономические убытки в связи с кризисом в Персидском заливе, поскольку дополнительные расходы как минимум на 840—900 млн. долл. превысили общую сумму дополнительно полученных страной средств (см. таблицу 1).

Полученные от Кувейта и других противостоявших Ираку арабских государств кредиты могут лишь на время сгладить усугубленную этим конфликтом остроту финансовых проблем нашей страны. Поэтому ни о каком, тем более многомиллиардном, неожиданно пролившемся на нас дожде нефтедолларов в связи с конфликтом в Персидском заливе говорить не приходится.